

<i>ROALD DAHL</i>	<i>РОАЛЬД ДАЛЬ</i>	<i>РОАЛД ДАЛ</i>
<p>TASTE (<i>excerpt</i>)</p>	<p>ВКУС (<i>отрывок</i>) <i>Перевод А. Тарасова</i></p>	<p>ДЕГУСТАЦИЯ (<i>отрывок</i>) <i>Перевод И. Стам</i></p>
<p>There were six of us to dinner that night at Mike Schofield's house in London: Mike and his wife and daughter, my wife and I and a man called Richard Pratt.</p>	<p>В тот вечер за ужином в доме моего друга Майка Скофилда в Лондоне нас было шестеро: Майк, его жена и его дочь, моя жена и я, а также гость по имени Ричард Пратт.</p>	<p>В тот вечер на обеде у Майка Шофилда нас было шестеро: Майк с женой и дочерью, я с женой и еще один гость по имени Ричард Пратт.</p>
<p>Richard Pratt was a famous gourmet. He was president of a small society known as the Epicures, and each month he circulated privately to his members a pamphlet on food and wines. He organized dinners where sumptuous dishes and rare wines were served. He refused to smoke for fear of harming his palate, and when discussing a wine, he had a curious, rather droll habit of referring to it as though it were a living being. 'A prudent wine,' he would say, 'rather diffident and evasive, but quite prudent.' Or, 'A good-humoured wine, benevolent and cheerful – slightly obscene, perhaps, but none the less good-humoured.'</p>	<p>Ричард Пратт, знаменитый гурман, был председателем небольшого общества под названием «Эпикурейцы». Каждый месяц он в частном порядке рассылал членам общества брошюру о различных винах и блюдах и занимался также тем, что устраивал банкеты, на которых подавались изысканные деликатесы и редкие вина. Чтобы не утратить своих вкусовых способностей, он не курил, и когда говорил о винах, имел странную, почти эксцентричную манеру описывать каждое из них как живое существо. «Интеллигентное вино», – говорил он, к примеру, – «немного робкое и сдержанное, но очень интеллигентное». Или: «Симпатичное вино, ласковое и веселое, быть может, немного фривольное, но тем не менее симпатичное».</p>	<p>Ричард Пратт был известным гурманом. Он занимал пост председателя в небольшом кружке, носившем название «Эпикурейцы», и ежемесячно рассылал его членам рекламные проспекты блюд и напитков. Он устраивал обеды, на которых подавались роскошные яства и редкие вина. Он никогда не курил, из опасения, что пострадает его тонкий вкус. У Пратта была странная, довольно забавная привычка: смакуя какое-либо вино, он говорил о нем так, будто это живое существо. «Благоразумное вино, – бывало, изрекал он, – довольно робкое и уклончивое, но вполне благоразумное». Или же: «Добродушное вино, благожелательное и веселое; может быть, чуточку склонное к похабству, но все равно добродушное».</p>
<p>I had been to dinner at Mike's twice before when Richard Pratt was there, and on each occasion Mike and his wife had gone out of their ways to produce a special meal for the famous gourmet. And this one, clearly was to be no exception. The moment we entered he dining room I could see that the table was laid for a feast. The tall candles, the yellow roses that quantity of shining silver, the three wineglasses to each person, and above all,</p>	<p>Майк уже два раза приглашал меня с Праттом к себе в дом, и в обоих случаях Скофилды не побоялись ни трудностей, ни расходов, чтобы предложить знаменитому гурману отменнейшее меню. А на этот раз они явно хотели превзойти сами себя. Когда мы вошли в столовую, я сразу увидел, что стол был накрыт для торжественной трапезы. Высокие тонкие свечи, желтые розы, блеск серебра кругом, по три винных бокала у каждого прибора и к тому же легкий запах</p>	<p>Я уже дважды бывал у Майка на заных обедах, когда там присутствовал Ричард Пратт, и всякий раз Майк с женой из кожи вон лезли, стараясь поразить знаменитого гурмана изысканной снедью. И в этот вечер обед явно не был исключением. Как только мы вошли в столовую, я сразу увидел, что нас ожидает пир. Об этом говорили высокие свечи, желтые розы, сверкающее столовое серебро, три бокала перед каждым прибором и, главное, долетавший с</p>

the faint scent of roasting meat from the kitchen brought the first warm oozing of saliva to my mouth.

As we sat down, I remembered that on both Richard Pratt's previous visits Mike had played a little betting game with him over claret, challenging him to name its breed and its vintage. Pratt had replied that that should not be too difficult provided it was one of the great years. Mike had then bet him a case of wine in question that he could not do it. Pratt had accepted, and had won both times. Tonight I felt sure that the little game would be played over again, for Mike was quite willing to lose the bet in order to prove that his wine was good enough to be recognized, and Pratt, for his part, seemed to take a grave, restrained pleasure in displaying his knowledge.

The meal began with a plate of whitebait, fried very crisp in butter, and to go with it there was a Moselle. Mike got up and poured the wine himself, and when he sat down again, I could see that he was watching Richard Pratt. He had set the bottle in front of me so that I could read the label. It said, 'Geierslay Ohligsberg, 1945.' He leaned over and whispered to me that Geierslay was a tiny village in the Moselle, almost unknown outside Germany. He said that this wine we were drinking was something unusual, that the output of the vineyard was so small that it was almost impossible for a stranger to get any of it. He had visited Geierslay personally the previous summer in order to obtain the few dozen bottles that they had

жаркого из кухни – от всего этого мой рот быстро наполнился густой слюной.

Мы расселись, и на ум мне вдруг пришло, что Майк во время каждого из предыдущих вечеров спрашивал, не согласится ли Ричард Пратт на вкус определить год и точное место происхождения красного французского вина, подаваемого к столу. Когда Пратт ответил, что это, пожалуй, не составит для него особого труда, если только, конечно, вино хорошего года, Майк выразил свои сомнения и предложил ему пари. Пратт принял его предложение и оба раза выиграл ящик вина, о котором шла речь.

Я был уверен, что эта маленькая игра повторится и нынешним вечером, ибо Майк охотно шел на проигрыш, если мог доказать этим, что его вино было достаточно хорошего качества, чтобы быть отданным на суд знатока. А что касалось Пратта, то он находил большое, правда, плохо скрываемое удовольствие в том, чтобы лишний раз выставить напоказ свои способности.

Подали первое блюдо: хрустящие, прожаренные в масле шпроты. К ним было предложено мозельское. Майк встал и собственноручно наполнил бокалы. Когда он снова сел, я заметил, что он наблюдает за Праггом. Он поставил бутылку передо мной так, чтобы я мог прочесть этикетку. «Гейерслеи Олигсберг, 1945» значилось на ней. Он наклонился ко мне и прошептал, что Гейерслеи – это маленькая деревушка на берегу Мозеля, почти неизвестная за пределами Германии. Это вино, добавил он, большая редкость, поскольку продукция местного виноградника столь незначительна, что у человека из других

кухни легкий аромат жарящегося мяса, от которого у меня немедленно потекли слюнки.

Мы сели за трапезу, и тут я вспомнил, что оба раза, когда в числе прочих приглашенных был Ричард Пратт, Майк непременно затевал с ним небольшую игру: как только подавали кларет, он предлагал именитому гостю на спор определить место и год изготовления напитка. «Задача не слишком трудная, – отвечал Пратт, – при условии, что это вино урожая одного из самых благоприятных сезонов». Майк ставил ящик того самого кларета, заявляя, что Пратт не сумеет опознать вино. Пратт принимал пари и каждый раз выигрывал. Я был уверен, что и на сей раз Майк затеет ту же забаву, поскольку проигрыш его нимало не огорчал, ведь он служил своеобразным доказательством, что вино у Шофилда превосходное и знаток определяет его сразу. Пратт же, демонстрируя свое искусство, с видимым трудом скрывал торжество.

Сначала нам подали блюдо сетков, обжаренных в масле до хрустящей корочки, а к ним – мозельвейн. Поднявшись из-за стола, Майк сам разлил вино и вновь уселся на свое место; я заметил, что он внимательно наблюдает за Ричардом Праггом. Бутылку он поставил передо мной, чтобы я видел наклейку. На ней было написано: «Гайерслеи Олигсберг, 1945». Наклонившись ко мне, Майк шепнул, что Гайерслеи – это крохотная деревушка в долине реки Мозель, почти неизвестная за пределами Германии. А потому вино, что мы пьем, – большая редкость, ведь на местных виноградниках его производят так мало, что стороннему человеку раздобыть его почти

finally allowed him to have.

‘I doubt whether anyone else in this country has any of it at the moment,’ he said. I saw him glance again at Richard Pratt. ‘Great thing about Moselle,’ he continued, raising his voice, ‘it’s the perfect wine to serve before a claret. A lot of people serve a Rhine wine instead but that’s because they don’t know any better. A Rhine wine will kill a delicate claret, you know that? It’s barbaric to serve a Rhine before claret. But a Moselle – ah! – a Moselle is exactly right.’

Mike Schofield was an amiable, middle-aged man. But he was a stockbroker. To be precise, he was a jobber in the stock market, and like a number of his kind, he seemed to be somewhat embarrassed, almost ashamed to find that he had made so much money with so slight a talent. In his heart he knew that he was not really much more than a bookmaker – an unctuous, infinitely respectable, secretly unscrupulous bookmaker – and he knew that his friends knew it, too. So he was seeking now to become a man of culture, to cultivate a literary and aesthetic taste, to collect paintings, music, books, and all the rest of it. His little sermon about Rhine wine and Moselle was a part of this thing, this culture that he sought.

‘A charming little wine, don’t you think?’ he said. He was still watching Richard Pratt. I could see him give a rapid furtive glance down the table each time he dropped his head to take a mouthful of whitebait. I could almost feel him waiting for the moment when Pratt would take his first sip,

мест нет почти никакой надежды заполучить бутылку-другую в свои руки. Он сам ездил в Гейерслеи прошлым летом и только с большим трудом ему удалось приобрести там пару десятков бутылок.

– Сомневаюсь, что у кого-нибудь, кроме меня, в Англии есть это вино, – сказал он, посматривая на Ричарда Пратта. – Что в мозельском хорошо, – продолжил он более громким голосом, – так это то, что его без боязни можно пить перед красным вином. Многие пьют вместо него рейнвейн, но делают это только потому, что слабо разбираются в винных тонкостях. Рейнвейн подминает под себя любое красное вино деликатного характера, вы об этом не знали? Это просто варварство подавать рейнское перед красным. Но мозельское – ах! – мозельское тут в самый раз.

Майк Скофилд, обходительный человек средних лет, был биржевым маклером. Перекупщиком на бирже, если точнее. И, казалось, он, как и многие люди его типа, испытывал неловкость, если не сказать стыд, от того, что зарабатывал столько денег на работе, для выполнения которой требовалось так мало образования. В глубине своего сердца он знал, что в действительности он был немногим более простого букмекера – исполненного достоинства, бесконечно уважаемого всеми, но втайне все же беспардонного букмекера, – и он знал, что его друзья это знали. Поэтому он стремился сейчас стать человеком культуры, совершенствовался в литературной и эстетической областях, собирал картины, пластинки, книги и все остальное, что сюда относится. Его маленькая речь о рейнских и мозельских винах была частью этого образования, этой культуры, к которой он

невозможно. Прошлым летом Майк специально сам съездил в Гайерслеи, чтобы забрать те несколько бутылок, которые ему продали.

– Сомневаюсь, что у кого-то еще в нашей стране сейчас найдется хотя бы бутылка этого вина, – добавил он и снова поглядел в сторону Ричарда Пратта. – У мозельского есть поразительная особенность, – продолжал он уже громче, – оно идеально подходит для подачи перед кларетом. Многие вместо него подают рейнвейн, но они просто не разбираются в винах. Известно ли вам, что рейнвейн убивает тонкий вкус кларета? Подавать рейнвейн перед кларетом – сущее варварство. А вот мозельское, о, мозельское – это то, что нужно.

Майк Шофилд, любезный пожилой господин, по роду занятий был, однако, биржевым маклером, вернее, комиссионером на фондовой бирже; как и многие его собратья, он стеснялся, едва ли не стыдился того, что, будучи наделен столь скромным талантом, сумел сколотить крупное состояние. В глубине души он сознавал, что, по сути, мало чем отличается от какого-нибудь букмекера – вкрадчивого, вполне благопристойного, но тайком бессовестно мухлюющего букмекера, – и понимал, что друзья его тоже это понимают. А потому теперь он тщился стать человеком культурным, развивать свой литературный и эстетический вкус, собирал картины, ноты, книги и все такое прочее. И эта маленькая лекция о рейнвейне и мозельском была частью той самой культуры, к которой он так стремился.

– Прелестное винцо, ведь правда? – произнес он, все посматривая на Ричарда Пратта.

and look up from his glass with a smile of pleasure, of astonishment, perhaps even of wonder, and then there would be a discussion and Mike would tell him about the village of Geierslay.

But Richard Pratt did not taste his wine. He was completely engrossed in conversation with Mike's eighteen-year-old daughter, Louise. He was half turned towards her, smiling at her, telling her, so far as I could gather, some story about a chef in a Paris restaurant. As he spoke, he leaned closer and closer to her, seeming in his eagerness almost to impinge upon her, and the poor girl leaned as far as she could away from him, nodding politely, rather desperately, and looking not at his face but at the topmost button of his dinner jacket.

We finished our fish, and the maid came round removing the plates. When she came to Pratt, she saw that he had not yet touched his food, so she hesitated, and Pratt noticed her. He waved her away, broke off his conversation, and quickly began to eat, popping the little crisp brown fish quickly into his mouth with a rapid jabbing movements of his fork. Then, when he had finished, he reached for his glass, and in two short swallows he tipped the wine down his throat and turned immediately to resume his conversation with Louise Schofield.

Mike saw it all. I was conscious of him sitting there, very still, containing himself, looking at his guest. His round jovial faced seemed to loosen slightly and to sag, but he contained himself and was still and said nothing.

стремился.

– Славное винишко, не правда ли? – спросил он меня, продолжая, однако, наблюдать за Ричардом Праттом. Я заметил, что всякий раз, когда он опускал голову, чтобы ухватить ртом с вилки кусочек рыбы, он украдкой бросал в сторону Пратта короткий взгляд. Я почти физически чувствовал, как он ждал того момента, когда Пратт сделает первый глоток и с довольной, удивленной, быть может, даже озадаченной улыбкой оторвет глаза от своего бокала. И потом должна была развернуться дискуссия, дававшая Майку возможность сообщить о деревне Гейерслей.

Однако Ричард Пратт не прикасался к вину. Его внимание целиком и полностью было приковано к восемнадцатилетней дочери Майка Луизе. Он сидел, наполовину повернувшись к ней, улыбался ей и рассказывал ей какую-то историю о шеф-поваре одного парижского ресторана. В разговоре он все больше подавался вперед, казалось, еще немного и он от своего усердия совсем столкнется с ней, а бедная Луиза отклонялась от него настолько, насколько только могла, вежливо, но не без тени отчаяния, кивала ему и старалась избегать его взгляда, фиксируя глазами верхнюю пуговицу его смокинга.

Мы покончили с рыбой, и служанка начала обходить одного за другим, чтобы собрать тарелки. Подойдя к Пратту она заметила, что тот еще ничего не съел, и осталась стоять в нерешительности. Пратт поднял голову, сделал ей знак удалиться и принялся поспешно есть. Проворными, порывистыми движениями он забросал маленьких, поджаристо-коричневых

Я видел, что каждый раз, наклоняясь к тарелке со снетками, он украдкой бросает быстрый взгляд вдоль стола. Я почти ощущал, как он ждет того момента, когда Пратт сделает свой первый глоток и, подняв глаза, усмехнется удовлетворенно, удивленно, быть может, даже с изумлением, а затем посыплются вопросы, и Майк расскажет про деревушку Гайерсляй.

Но Ричард Пратт даже не пригубил вина. Он был целиком поглощен беседой с Луизой, восемнадцатилетней дочерью Майка. Сидя к ней вполборота, он с улыбкой рассказывал ей, насколько я мог понять, какую-то байку по шеф-повара одного парижского ресторана. Постепенно он все ближе и ближе подвигался к девушке; казалось, в азарте повествования он вот-вот коснется ее. Вежливо, хотя и с некоторым отчаянием кивая рассказчику, бедняжка отклонялась от него как можно дальше и смотрела не в его лицо, а на верхнюю пуговицу его смокинга.

Мы покончили с рыбой, и служанка, обходя гостей, стала собирать тарелки. Приблизившись к Пратту и увидев, что он не дотронулся до еды, она замешкалась возле его стула, и Пратт заметил ее. Сделав ей знак, чтобы она шла дальше, Пратт прервал разговор и принялся быстро подцеплять вилкой хрустящие коричневые рыбешки, отправляя их в рот одну за другой. Доев снетки, он потянулся к бокалу, в два глотка осушил его и без промедления вновь повернулся к Луизе Шифилд, намереваясь продолжать беседу.

Майк все это видел. Я чувствовал, что ему стоило немалого труда сохранять спокойствие.

<p>Soon the maid came forward with the second course. This was a large roast beef. She placed it on the table in front of Mike who stood up and carved it, cutting the slices very thin, laying them gently on the plates for the maid to take around. When he had served everyone, including himself, he put down the carving knife and leaned forward with both hands on the edge of the table.</p> <p>‘Now,’ he said, speaking to all of us but looking at Richard Pratt. ‘Now for the claret. I must go and fetch the claret, if you excuse me.’</p> <p>‘You go and fetch it, Mike?’ I said. ‘Where is it?’</p> <p>‘In my study, with the cork out – breathing.’</p> <p>‘Why the study?’</p> <p>‘Acquiring room temperature, of course. It’s been there twenty-four hours.’</p> <p>‘But why the study?’</p> <p>‘It’s the best place in the house. Richard helped me choose it last time he was here.’</p> <p>At the sound of his name, Pratt looked up.</p> <p>‘That’s right, isn’t it?’ Mike said.</p> <p>‘Yes,’ Pratt answered, nodding gravely. ‘That’s right.’</p> <p>‘On top of the green filing cabinet in my study,’ Mike said. ‘That’s the place we chose. A good draught-free spot in a room with an even temperature. Excuse me now, will you, while I fetch it.’</p> <p>The thought of another wine to play with had restored his humour, and he hurried out of the door, to return a minute later more slowly, walk-</p>	<p>рыбок себе в рот, поднял свой бокал, осушил его двумя быстрыми глотками и тотчас же повернулся к Луизе Скофилд, чтобы продолжить прерванный разговор. Майк все видел. Я помню, что он, очень спокойный и сдержанный, сидел на своем месте и не сводил глаз со своего гостя. Его круглое, приветливое лицо как будто на мгновение обмякло, однако он взял себя в руки и не сказал ни слова.</p> <p>Вскоре служанка принесла второе блюдо, огромный кусок жаркого из говядины. Она поставила его перед Майком на стол, и он встал, чтобы нарезать его. Он резал мясо очень тонкими ломтиками и осторожно клал их на тарелку, подносимую ему служанкой. Когда все, включая его самого, получили свою порцию, он отложил в сторону нож, оперся руками о край стола и чуть подался вперед.</p> <p>– Так, – сказал он, обращаясь ко всем нам, но смотрел при этом на одного Ричарда Пратта, – а сейчас – красное вино. Мне надо сначала сходить за ним, поэтому прошу извинить меня, если я на секунду вас оставляю.</p> <p>– Сходить, Майк? – спросил я. – Где же оно?</p> <p>– В моем рабочем кабинете – откупоренное, чтобы могло дышать.</p> <p>– А почему в кабинете?</p> <p>– Из-за комнатной температуры, разумеется. Оно стоит там уже двадцать четыре часа.</p> <p>– Но почему именно в кабинете?</p> <p>– Потому что это лучшее место в доме. Ричард посоветовал мне его, когда в последний раз был у нас в гостях.</p> <p>Услышав свое имя, Пратт обернулся.</p> <p>– Ведь так? – спросил Майк.</p>	<p>Казалось, его веселое круглое лицо разом обмякло и обвисло, но он сдержался и не сказал ни слова.</p> <p>Вскоре служанка внесла следующее блюдо. То был огромный кусок жареного мяса. Она водрузила его на стол перед хозяином, и Майк, поднявшись со стула, принялся резать его тончайшими ломтями и аккуратно раскладывать по тарелкам, которые служанка подавала гостям. Когда все, в том числе Майк, получили свою порцию, он отложил нож и, опираясь руками о край стола, слегка наклонился вперед.</p> <p>– А теперь, – начал он, обращаясь ко всем нам, но не сводя глаз с Ричарда Пратта, – теперь перейдем к кларету. С вашего позволения, я сам схожу за ним.</p> <p>– Сами пойдете? – удивился я. – И где же оно?</p> <p>– У меня в кабинете, бутылка уже откупорена, вино дышит.</p> <p>– А почему в кабинете?</p> <p>– Доходит до комнатной температуры, разумеется. Оно стоит там со вчерашнего вечера.</p> <p>– Но почему в в кабинете?</p> <p>– Это лучшее место в доме. Мне его в прошлый раз посоветовал Ричард.</p> <p>Услышав свое имя, Ричард Пратт оглянулся.</p> <p>– Ведь так было дело, да, Ричард? – спросил Майк.</p> <p>– Да, – важно кивнул Пратт. – Именно так.</p> <p>– Стоит в кабинете на зеленом шкафу с картотекой, – продолжал Майк. – Это место мы выбрали вместе. В кабинете всегда ровная температура, в том углу не дует. А теперь прошу меня извинить, я иду за кларетом.</p>
--	---	---

ing softly, holding in both hands a wine basked in which a dark bottle lay. The label was out of sight, facing downwards. 'Now!' he cried as he came towards the table. 'What about this one, Richard? You'll never name this one!'

Richard Pratt turned slowly and looked up at Mike, then his eyes travelled down to this bottle nestling in its small wicker basket, and he raised his eyebrows, a slight, supercilious arching of the brows, and with a pushing outward of the wet lower lip, suddenly imperious and ugly.

'You'll never get it,' Mike said. 'Not in a hundred years.'

'A claret?' Richard Pratt asked, condescending.

'Of course.'

'I assume, then, that it's from one of the smallest vineyards?'

'Maybe it is, Richard. And then again, maybe it isn't.'

'But it's a good year? One of the great years?'

'Yes, I guarantee that.'

'Then it shouldn't be too difficult,' Richard Pratt said, drawing his words, looking exceedingly bored. Except that, to me, there was something strange about his drawling and his boredom: between the eyes a shadow of something evil, and in his bearing an intentness that gave me a faint sense of uneasiness as I watched him.

'This one is really rather difficult,' Mike said. 'I won't force you to bet on this one.'

'Indeed. And why not?' Again the slow arch-

– Да, – подтвердил Пратт и солидно кивнул головой. – Это так.

– На зеленом ящике картотеки в моем кабинете, – сказал Майк. – Это и есть то самое место, которое мы выбрали. Свободное от сквозняков местечко в помещении с равномерной температурой. Минуточку, я сейчас.

Мысль о том, что в качестве козыря у него имелось еще одно вино, заметно оживила его, и он, словно на крыльях, вылетел из комнаты. Через минуту он вернулся. Сейчас он шел гораздо медленнее и осторожно нес в руке винную корзину, в которой лежала темная бутылка. Она была повернута этикеткой вниз, то есть прочесть ничего было нельзя.

– А теперь, – воскликнул он, приблизившись к столу, – как насчет вот этого, Ричард? Его вам никогда не угадать!

Ричард Пратт неспешно повернулся к Майку, посмотрел на него снизу вверх и перевел потом взгляд на бутылку в маленькой плетеной корзинке. Он поднял брови так, что они образовали надменные дуги, и выпятил вперед нижнюю губу. В этот момент у него был необычайно самоуверенный и отталкивающий вид.

– Ни за что не догадаетесь, – еще раз сказал Майк. – Как ни старайтесь.

– Французское вино? – снисходительно спросил Пратт.

– Естественно.

– Какого-нибудь маленького виноградника?

– Может, да, Ричард. А, может, и нет.

– Но это хороший год? Один из удачных урожаев?

– Да, это я вам гарантирую.

При мысли о том, что разговорами об этом новом вине можно будет отвести душу, настроение у Майка повысилось; он поспешно вышел из столовой, а уже минуту спустя опять появился в дверях, но шагал медленно, осторожно, обеими руками держа специальную корзинку для вина, в которой покоилась бутылка темного стекла. Она лежала наклейкой вниз, прочесть название было невозможно.

– Вот! – подойдя к столу, воскликнул Майк. – Как насчет этого сорта, Ричард? Вам его ни за что не опознать.

Медленно обернувшись, Ричард Пратт посмотрел на Майка, затем перевел взгляд на бутылку, покойно лежавшую в маленькой плетеной корзинке, и поднял брови, вернее, чуть надменно изогнул их и одновременно выпятил влажную нижнюю губу, отчего лицо его вдруг стало властным и неприятным.

– Ни за что не догадаетесь, – повторил Майк, – хоть сто лет гадайте.

– Это кларет? – снисходительно поинтересовался Ричард.

– Конечно.

– Произведен, надо полагать, в какой-нибудь маленькой винодельне?

– Может быть, и так, Ричард. А может быть, и нет.

– Но год-то хороший? Один из лучших?

– Да, это я вам гарантирую.

– Что ж, такая задача не составит большого труда, – растягивая слова, со скучающим видом процедил Пратт. Однако и в этой намеренно медлительной речи, и в выражении отчаянной скуки на его лице мне почудилось что-то

<p>ing of the brows, the cool, intent look. ‘Because it’s difficult.’ ‘That’s not very complimentary to me, you know.’ ‘My dear man,’ Mike said, ‘I’ll bet you with pleasure, if that’s what you wish.’ ‘It shouldn’t be too hard to name it.’ ‘You mean you want to bet?’ ‘I’m perfectly willing to bet,’ Richard Pratt said. ‘All right, then, we’ll have the usual. A case of the wine itself.’ ‘You don’t think I’ll be able to name it, do you?’ ‘As a matter of fact, and with all due respect, I don’t,’ Mike said. He was making some effort to remain polite, but Pratt was not bothering overmuch to conceal his contempt for the whole proceeding. And yet, curiously, his next question seemed to betray a certain interest. ‘You like to increase the bet?’ ‘No, Richard. A case is plenty.’ ‘Would you like to bet fifty cases?’ ‘That would be silly.’ Mike stood very still behind his chair at the head of the table, carefully holding the bottle in its ridiculous wicker basket. There was a trace of whiteness around his nostrils now, and his mouth was shut very tight. Pratt was lolling back in his chair, looking up at him, the eyebrows raised, the eyes half closed, a little smile touching the corners of his lips. And</p>	<p>– Тогда угадать, пожалуй, будет не так уж трудно, – высказал свое суждение Ричард Пратт. Он говорил слегка гнусавя, и на его физиономии лежало выражение бесконечной скуки. На меня его аффектированная манера речи и чрезмерно подчеркнутое равнодушие производили странное впечатление, которое только усиливалось тем, что вокруг его глаз бегали какие-то злобные тени, а вся его поза выдавала состояние крайне напряженного внимания. Мне было немного неприятно, когда я разглядывал его. – Нет, эту марку действительно трудно угадать, – заверил Пратта Майк. – Не хочу навязывать вам нового пари. – Ах, вот как. Почему же? – Снова брови медленно поползли вверх, в глазах застыл холодный, напряженный взгляд. – Потому что это чертовски трудная задача. – Послушайте, такое заявление отнюдь не делает мне комплимента. – Дорогой мой, – сказал Майк, – если вам это так важно, то я, конечно, с удовольствием поспорю с вами еще раз. – Вряд ли с этим вином у меня будут трудности. – Вы хотите сказать, что согласны держать пари? – Ну, разумеется. Не только согласен, но и немедленно готов, – ответил Ричард Пратт. – Хорошо. Тогда, значит, ставка прежняя. Ящик точно такого же вина. – Вам не верится, что я смогу определить марку? – Честно говоря и при всем уважении к вам – нет. Майк по-прежнему старался оставаться</p>	<p>необычное: недобрая тень скользнула по его физиономии, а манере держаться появилась некоторая напряженность; меня охватила легкая безотчетная тревога. – Это и вправду крепки орешек, – сказал Майк. – Не стану вынуждать вас заключать пари. – Вот как. И почему же? Брови пять медленно изогнулись, в холодном взгляде сквозило напряженное внимание. – Потому что задача не из легких. – Это, знаете ли, мне слышать не слишком лестно. – Дорогой мой, я с удовольствием побьюсь с вами об заклад, если только вы сами того желаете. – Определить сорт вина не составит большого труда. – Вы хотите сказать, что не прочь заключить пари? – С превеликим удовольствием, – промолвил Ричард Пратт. – Отлично; тогда бьемся, как всегда. На ящик этого самого вина. – Вы, стало быть, считаете, что мне его не опознать, верно? – Честно говоря, при всем моем к вам уважении, думаю, что не опознать, – сказал Майк. Ему явно стоило немалых усилий сохранять любезный тон, Пратт же и не пытался скрыть свое пренебрежение к происходящему. Однако его следующий вопрос, как ни странно, выдавал некоторый интерес к пари. – А вы не хотели бы поставить что-нибудь</p>
---	--	--

again I saw, or thought I saw, something distinctly disturbing about the man's face, that shadow of intentness between the eyes, and in the eyes themselves, right in their centres where it was black, a small slow spark of shrewdness, hiding.

‘So you don't want to increase the bet?’

‘As far as I'm concerned, old man, I don't give a damn,’ Mike said. ‘I'll bet you anything you like.’

The three women and I sat quietly, watching the two men. Mike's wife was becoming annoyed; her mouth had gone sour and I felt that at any moment she was going to interrupt. Our roast beef lay before us on our plates, slowly steaming.

‘So you'll bet me anything I like?’

‘That's what I told you. I'll bet you anything you damn well please, if you want to make an issue of it.’

‘Even ten thousand pounds?’

‘Certainly I will, if that's the way you want it,’ Mike was more confident now. He knew quite well that he could call any sum Pratt cared to mention.

‘So you say I can name the bet?’ Pratt asked again.

‘That's what I said.’

There was a pause while Pratt looked slowly around the table, first at me, then at the three women, each in turn. He appeared to be reminding us that we were witness to the offer.

‘Mike!’ Mrs Schofield said, ‘Mike, why don't we stop this nonsense and eat our food. It's getting

вежливым, в то время как его собеседник почти не скрывал, как все это ему надоело. И все же следующий вопрос Пратта, похоже, свидетельствовал о некотором его интересе.

– Однако не поднять ли нам ставку?

– Нет, Ричард. Ящика достаточно.

– А на пятьдесят ящиков вы бы поспорили?

– Это было бы безрассудством.

Майк, прямой как свеча, стоял позади своего стула во главе стола и осторожно держал бутылку в ее нелепой лубяной корзине. Крылья его носа были подернуты сейчас легкой бледностью, а губы плотно сжаты.

Пратт небрежно откинулся назад и поднял на него взгляд – брови дугой, веки приопущены, еле заметная улыбка в уголках рта. И снова я увидел или мне показалось, что я увидел, как что-то удивительно тревожное промелькнуло на его лице – зловещее, напряженное внимание где-то между глазами, а в самих глазах, точно в их центре, во мраке зрачков, колючая искорка лукавства.

– Значит, вы не хотите повысить ставку?

– Что до меня, дружище, так мне совершенно все равно, – заявил Майк. – Я готов держать с вами пари на все, что хотите, на все!

Три женщины и я сидели, не говоря ни слова, и наблюдали за обоими. Миссис Скофилд начала терять терпение; ее губы скривились, и у меня было впечатление, что она вот-вот встрянет между спорящими. Ломтики жаркого лежали перед нами на тарелках и слегка дымились.

– Вы в самом деле готовы поспорить со мной на все, что я захочу?

– Я же сказал. Если вам не страшен риск, то я готов держать пари на любую предложенную вами

посолиднее?

– Нет, Ричард. Ящик вина – это немало.

– Может быть, поставите пятьдесят ящиков?

– Это было бы глупо.

Замерев позади своего стула во главе стола, Майк по-прежнему осторожно держал нелепую плетеную корзинку с бутылкой. Ноздри его чуть побелели, губ были плотно сжаты.

Вальяжно откинувшись на спинку стула, Пратт смотрел на него снизу вверх; брови у него были поняты, глаза полузакрыты, а углах губ пряталась чуть заметная усмешка. И снова в лице этого человека я заметил – или мне показалось? – некую напряженность, а в глазах, в самом центре черных зрачков медленно зажглась и погасла искра расчетливого интереса.

– Значит, не хотите повысить ставку?

– Что до меня старина, то на ставку мне совершенно наплевать, – заявил Майкл. – Готов поставить что угодно.

Три женщины и я молча наблюдали за двумя спорщиками. Жену Майкла происходящее начало раздражать, губы ее изогнулись в недовольной гримасе; я чувствовал, что она вот-вот вмешается в разговор. На тарелках переда нами медленно стыла жареная говядина.

– Что угодно, стало быть?

– Я же сказал. Бьюсь об любую заклад, черт побери, раз уж вы так ставите вопрос.

– Даже десять тысяч фунтов?

– Конечно, если хотите.

Теперь Майкл чувствовал себя более уверенно. Он прекрасно знал, что может поставить на кон любую сумму, какую только вздумает назвать Пратт.

<p>cold.’</p> <p>‘But it’s not nonsense,’ Pratt told her evenly. ‘We’re making a little bet.’</p> <p>I noticed the maid standing in the background holding a dish of vegetables, wondering whether to come forward with them or not.</p> <p>‘All right, then,’ Pratt said, ‘I’ll tell you what I want you to bet.’</p> <p>‘Come on, then,’ Mike said, rather reckless. ‘I don’t give a damn what it is – you’re on.’</p> <p>Pratt nodded, and again the little smile moved the corners of his lips, and then, quite slowly, looking at Mike all the time, he said, ‘I want you to bet me the hand of your daughter in marriage.’</p>	<p>ставку.</p> <p>– Даже на десять тысяч фунтов?</p> <p>– Разумеется. На все, что хотите.</p> <p>Голос Майка звучал сейчас очень уверенно. Он хорошо знал, что ему по карману была любая сумма, названная Праттом.</p> <p>– То есть, вы говорите, что мне можно определить ставку? – удостоверился Пратт еще раз.</p> <p>– Да, именно это я сказал.</p> <p>Возникла пауза. Пратт медленно обвел глазами собравшихся, сначала меня, потом одну за одной всех трех женщин. Он как будто хотел напомнить нам, что мы были свидетелями сделки.</p> <p>– Майк! – подняла голос миссис Скофилд. – Майк, давай прекратим эту чепуху и доедим наше жаркое. Оно совсем остынет.</p> <p>– Это не чепуха, – спокойно сказал Пратт. – Мы заключаем здесь маленькое пари.</p> <p>Я заметил, что на заднем плане стояла служанка с овощным блюдом в руках, явно не зная, подавать ей дальше или нет.</p> <p>– Что ж, хорошо, – произнес Пратт, – тогда, значит, я назову ставку.</p> <p>– Валяйте, – беспечно сказал Майк. – Мне абсолютно все равно, на что мы спорим – очередь за вами.</p> <p>Пратт кивнул, и снова уголки его рта тронула слабая улыбка. Не сводя с Майка глаз, он медленно произнес:</p> <p>– Я заключаю с вами пари на руку вашей дочери.</p>	<p>– Так вы говорите, я могу сам назначить заклад? – снова спросил Пратт.</p> <p>– Именно это я и сказал.</p> <p>В наступившем молчании Пратт медленно обвел взглядом сидевших за столом гостей: сначала посмотрел на меня, потом поочередно на каждую из трех женщин. Он словно бы напоминал нам, что мы – свидетели и своими ушами слышали предложение хозяина.</p> <p>– Майк! – воскликнула миссис Шофилд. – Послушай, Майк, давай лучше прекратим всю эту ерунду и займемся едой! Она ведь стынет.</p> <p>– Это вовсе не ерунда, – ровным тоном произнес Пратт. – Мы заключаем небольшое пари.</p> <p>Краем глаза я заметил служанку. Она стояла в отдалении и держала в руках блюдо с овощами, явно не зная, то ли шагнуть вперед и предложить их гостям, то ли погодить.</p> <p>– Что ж, ладно, – промолвил Пратт. – Я скажу, на что я готов биться с вами об заклад.</p> <p>– Давайте, выкладывайте, – беспечно отозвался Майк. – Мне плевать, на что. Пари так пари!</p> <p>Пратт кивнул, легкая усмешка вновь тронула уголки его губ, а затем, не сводя с Майка глаз, он очень медленно проронил:</p> <p>– Я хочу, чтобы вы, если проспорите, отдали мне руку вашей дочери.</p>
--	---	--